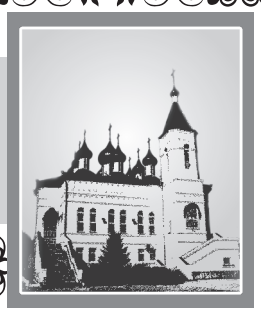
Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь №13 (353) 26 марта 2016 г.

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



Слово пастыря

Сегодня, возлюбленные о Господе, мы поговорим о нашей общей катастрофе и трагедии, которая касается всех людей, – о грехопадении. Когда Адам был в раю, то – Адам был в раю и в Адаме был рай. Адам пребывал в блаженном состоянии, которого мы сегодня только хотим, о котором мечтаем как о некоем «золотом веке», о некоей «блаженной Аркадии», «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание», как говорят пророки. И язычники грезили о неких счастливых местах, где нет притеснения, насилия, смерти, болезней и бед. Так было в раю, и мы хотим вернуться в то, что однажды было, что Богом сотворено. Когда человека не терзала его совесть изнутри и снаружи его ничто не жгло, не морозило. Когда между мужем и женой были вполне возможная абсолютная гармония и согласие. Ласково светило солнце над человеком. И всякая тварь преклоняла пред ним свои колена, и он не был для нее тираном.

Знаете, что произошло, когда совершился грех? Грех поссорил всех со всеми. Во-первых, порвалась связь между человеком и Богом. Человек Бога испугался, спрятался в кусты от Него. Бога, «ходящего в раю среди прохлады дня», как пишет книга Бытия, человек, услышав Его голос, стал пугаться. Значит, у человека возникло новое чувство к Богу – стыд и страх. Ломались эти возможные отеческие отношения, которые должны были углубиться и развиться между Отцом и сыном.

Во-вторых, между человеком и природой возникла полная дисгармония, потому что Господь проклял за грех не только Адама, но и землю. «Проклята земля» – значит, в трудах его она мстит человеку. Земля покоряется человеку, она смиренная мать – она рождает из себя все и смиренно принимает в себя все: и слезы, и пот, и кровь, и труп, и всякую грязь, перерабатывая ее и давая все-таки пищу человеку, – мы все кормимся от земли так или иначе. От солнышка и от земли по Божией милости.

Но земля стала давать человеку свои плоды только через его большой труд и кровавые мозоли. Значит, она сама не хочет давать человеку все, что в изобилии могла бы давать ему без всякого особенного его перенапряжения. Вот еще одна линия разрыва: человек издевается над землей, земля терпит его. А иногда перестает терпеть, и как «чудо-юдо рыба-кит», на своей спине носящий городок, например, может уйти в воду вместе с этим городком, так и земля, так сказать, ежится от присутствия человека на ней. Это поеживание проявляется в землетрясениях, наводнениях, засухах. Земля не очень любит человека, который топчется по ней и загрязняет ее воздух своими газами, а ее водный ресурс – своими сливами с заводов. У нас война с землей, мы изрядно над ней поиздевались, она может нам всегда отомстить, если Бог благословит. Вот вам, повторю, еще одна линия разрыва.

Далее: человек и животные. Животные бы совершенно иначе относились к нам, а мы к ним, если бы не грех. Лев бы ластился к человеку, как кошка, как это было с пророком Даниилом в львином рву. К каждому человеку бы ластился, если бы обонял запах святости от нас. Но поскольку запах святости не обоняется от человека, зверь убегает от нас, а если может, то мстит нам и нападает на нас. И мы боимся животных, издеваемся над ними, питаемся ими и насилуем их, отлавливаем их для своих нужд. А они либо работают нам смиренно, как добрый смиренный конь, или вол, или пес, любящий человека как Бога и зубами защищающий его до самопожертвования, либо ведут себя по-иному: пугают человека, нападают на него. Тут тоже есть линия несправедливости и большого разрыва. Итак, разрыв между человеком и живой и неживой природой.

Между мужчиной и женщиной поломались гармоничные отношения. До греха они были совершенно равноправными, а теперь Господь сказал женщине: «К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою, и в болезнях родишь ты чадо твое». Родовые боли женщины и все связанное с этими родовыми болями, приготовление к ним, ежемесячные болезни женщины, «обыкновенное у женщин», как говорит Библия, напоминают о чем-то страшном, что было раньше, потому что с кровью связано. Кровь этих месячных, кровь очищения – мистична, и древние боялись ее, потому что она как бы напоминает нам о том, что мы наказаны, что мы совершили нечто, что потом заставило кровь проливаться на земле. Это все тайная мистика, и женщина уже не равна мужчине, а подчинена ему. Сегодняшние феминистки и либералы, конечно, думают иначе, но это, в общем-то, вопрос открытый, Писание говорит вот так. Жизнь продолжается, и мы должны понимать, что сказанное в раю сохраняет актуальность до сегодняшнего дня, что бы мы себе ни нафантазировали.

Итак, с Богом разрыв, с природой – живой и неживой – разрыв, между мужем и женой нарушение гармоничных отношений, да и внутри самого человека разрыв. В Послании к Римлянам апостол Павел описывает состояние человека, разорванного изнутри: «То, что хочу, не делаю, то, что не хочу, делаю. Если я делаю то, что я не хочу, а доброе, которое хочу, – не делаю, то это не я уже делаю, а живущий во мне грех» (ср.: Рим. 7, 15-20). «Бедный я человек! – восклицает апостол Павел. – Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7, 24). И это не только апостолам было открыто, это было открыто, например, языческим мудрецам. Поэт Овидий говорит, что «добро я узнаю и одобряю, но поступаю зло». Такова внутренняя драма человека. Его грех и внутри порвал, то есть он к добру стремится, зло делает, думает одно, говорит другое, поступает по третьему, мечтает о четвертом. Полный разброд и полное шатание – таковы действия греха в мире.

Это можно прочувствовать каждому человеку на себе. Поскольку детство – если оно счастливое более или менее, при папе-маме, в отсутствие войны, при сытости, при друзьях – есть некий аналог рая: беззаботность, невинность, незнание ужасов жизни. Но наступает выход из детства, и это очень психологически похоже на выпадение из рая: первый серьезный грех, первое столкновение с людской несправедливостью, первое вторжение жестокости в твою личную жизнь… Это, по сути, твой первый опыт встречи с грехом лицом к лицу. Это наш личный выход из рая, это наше личное взросление. Допустим, мама с папой развелись, ребенок чуть не умер от страха и боли за них обоих – это его выпадение из рая, его рай закончился, он его потерял, он встречается с кошмаром настоящей жизни. Или ребенка впервые ни за что избили, обидели на улице, он вдруг узнаёт, что в мире есть, оказывается, не только добрая мама, любящая бабушка и сильный папа. В мире еще есть много людей, желающих тебе зла. Это его выход из рая. А может быть еще и грех – личный грех человека.

Есть интересные психологические этюды: люди рассказывают о том, как они впервые согрешили. Например, зрелый муж мне рассказывал, как он мальчиком украл однажды ножик на базаре в мясном ряду. Ему очень нравился ножик с перламутровой наборной ручкой, и вот, когда он с бабушкой ходил на базар, он тайком в кармашек этот ножик положил. Это был первый грех того ребенка. И он вдруг почувствовал, что небо стало свинцовым, что небо вдруг почернело над ним. Он перестал спать, ему казалось, что весь мир знает о его согрешении. Потом он не знал, куда спрятать этот ножик: он его прятал то туда, то сюда, постоянно перепрятывал, потом пошел в поле и там закопал, потом выкопал его, пришел со слезами к бабушке, отдал этот нож и сказал: «Бабушка, отнеси его на базар, я его украл». То есть был грех – и было покаяние, этот человек пережил драму грехопадения. Он впервые узнал, что значит гнев Божий, беспокойная совесть и постоянная тревога за свою жизнь, как Каин начал трястись ежесекундно. Так что вполне доступно опыту человеческому и ощущение близости рая, и ощущение трагичности его потери.

И с тех пор, как мы потеряли рай, мы находимся в состоянии вечной войны. Войны со своей совестью, а совесть воюет с нами. Женщина воюет с мужчиной, а мужчина с женщиной. Страны воюют между собой. Мы пытаемся даже с Богом воевать. Как в басне И.А. Крылова, бросаем в небо кирпичи, мало думая о том, как они потом упадут на наши глупые головы. Воюем друг с другом и со всем святым, мы, люди. Наше сборное имя – «люди, человек». И это все знак того, что лукавый однажды шепотом обольстил праматерь нашу, и она взяла от запрещенного и ела, и дала мужу, и он ел. И вот мы живем обманутые, но пытающиеся выбраться через Господа Иисуса Христа, Который дал нам теперь новую пищу взамен плода с запрещенного древа. Он дал нам Плоть и Кровь Свои есть и пить: через еду согрешили, через еду и спасайтесь. Он дал нам Матерь Свою в Заступницы – Пречистую Богородицу: через Еву согрешили, через Новую Еву и спасайтесь. Он дал нам Крест святой, потому что через дерево согрешили, через дерево познания добра и зла прикоснулись к запретному – через дерево и спасайтесь: через Древо Честного и Животворящего Креста. Христос пришел избавить нас как раз от этого родового печального события – грехопадения, которое распространяется на все человечество. Он пришел, как Новый Адам, исцелить все человечество. И это касается каждого человека без изъятия.

Мир вам и благословение Божие.

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Я перестал доверять духовнику. Стал замечать в нем человеческие немощи...

Во всяком человеке есть свои немощи. Человек не ангел, даже солнце имеет пятна, но вопрос в том, насколько немощи духовника приносят вам вред. Если он отступает от православной веры и нравственности и учит вас тому же, тогда целесообразнее оставить его, и то, это надо сделать с совета других духовников, указав конкретно, что тревожит вас и вводит в сомнение. Если же дело касается личных человеческих недостатков, то вы встретите их и в другом духовнике.

Насколько зло способствует продвижению человека в деле спасения своим противодействием и причинением ему страданий в земной жизни? Является ли зло, исходя из этого, промыслительным?

Адам был создан безгрешным. Его воля была устремлена к добру, а зла реально не существовало, оно было только возможностью, поскольку свобода воли подразумевает свободу выбора. Адам мог не совершить грехопадение, а восходить от благодати к благодати через послушание воле Божией. Поэтому зло не было обязательным условием для его совершенствования. Зло не родилось и не началось в самом Адаме, оно было привнесено извне демоническим искушением. Но когда свободная воля Адама склонилось ко злу, то оно стало внутренним фактором и состоянием его последующего бытия и перешло к его потомкам.

Господь в раю дал Адаму первую заповедь: «Храни и взращай». Это буквально означает: храни Эдем – этот чудный сад, место обитания первозданной четы; а в духовном смысле: храни благодать в своем сердце – внутреннем Эдеме, и возрастай в ней. После грехопадения положение изменяется. Теперь человек должен бороться со злом, как внешне, так и внутренне. Он разорвал союз с Богом и попадает во власть сатаны. Человек болен грехом, но он не духовный труп, как падший ангел; в нем сосуществует добро и зло.

Праведники Ветхого Завета вступают в борьбу с грехом, но плоды этой борьбы должны осуществиться через Крестную Жертву Иисуса Христа. Эта Жертва освобождает человека от метафизической власти демона, изменяет космическую ситуацию, которую создал человеческий грех, дает ему возможность спасения через Голгофский Крест и сошествие Святого Духа. Но греховная испорченность остается в душе человека; теперь он должен совместно с благодатью Божией участвовать в деле своего спасения. Здесь борьба со злом – внутренним и внешним – становится условием для исцеления, для нравственного возрождения, для изживания греха в себе. Сатанинские искушения, соединенные со страстями человека, становятся испытанием его веры и воли, а сопротивление им – победой. Блаженный Августин писал: «Бог сделал больше, чем, если бы уничтожил зло: Он заставил само зло служить добру». Человек пал через непослушание. Возвращение к Богу совершается через послушание, но этому послушанию противится зло внешнее, обитающее в мире («мир во зле лежит»), и внутреннее, живущее в человеке («закон греха»). В этой борьбе формируется нравственная личность человека и утверждается конечный выбор добра. Страдания являются не злом в прямом смысле этого слова, а испытанием человеческой веры, преданности Богу и возможностью для его совершенствования.

Вы спрашиваете, является ли зло промыслительным? В воле Божией можно различить два аспекта: желание Божие, которое постоянно и неизменно – это желание блага и спасения человека, это вечный свет Его любви; второй аспект – допущение Божие. Бог создал человека свободным существом. Добро является добром, когда человек выбирает его свободно. Поэтому Господь предоставляет условия для развития добра и зла, иначе свобода человеческой воли стала бы фикцией. Но из этого нельзя заключить, что зло от Бога, – оно от демона. Зло всегда остается эманацией и дыханием сатаны.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Православные Вести

17.03.2016. **В Раде осуждают срыв ЛГБТ-фестиваля во Львове и требуют расследования событий.**

18.03.2016. **На здании нового собора Русской Православной Церкви в Париже установлен главный купол.**

20.03.2016. **В Общецерковной аспирантуре открылись курсы повышения квалификации для секретарей епархий.** Повысить свою профессиональную квалификацию на базе Патриаршей академии приехали представители 37 епархий.

21.03.2016. **Христиане Газы впервые за 8 лет смогут праздновать Пасху на Западном берегу.** Израильские власти разрешили палестинским христианам в возрасте от 16 до 36 лет, проживающим в секторе Газы, выехать на Пасху на территорию Палестинской автономии, сообщает палестинское новостное агентство «Маан».

22.03.2016. **В Бангладеш зверски убит бывший мусульманин, ставший христианином в 1990-е гг.** 68-летний Хоссейн Али, который перешел из ислама в христианство в 1990-х, был жестоко убит в Куригграме.

23.03.2016. **23 марта иудеи празднуют Пурим.** Празднование нинается вечером с традиционного чтения свитка Эстер. Пурим отмечается в память о чудесном спасении евреев от гибели во время царствования персидского царя Артаксеркса.

«Райские хутора»
и другие рассказы
священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в №20 (308)

«Здорово-то как! – подумала сестра. – Жаль, что война скоро кончится». Предыдущим вечером она по просьбе старухи-нянечки читала вслух письмо из Ленинграда. Письмо было июльское, читанное не единожды, старуха знала его наизусть и, одобрительно кивая, повторяла шепотом: «Дедушка ваш задерживается… по причине военных действий… дороги закрыты… временно… до октября… от Коли весточки нет… Алеша уехал… учиться на танкиста… Маруся». «Маруся – это невестка моя, – объясняла старуха, – Алеша – внучек, Коля – сынок, он моряк у меня, в плавании, а дедушко, вишь, попроведать внучека поехал, всего на неделю-то и собирался, да вот – по причине, до октября».

Шел сентябрь.

Аверьяныч спешил. Грибов запасли быстро: насолили, насушили, должны были вот-вот управиться и с ягодой: клюквой, брусникой. С дровами дело обстояло куда хуже: работники годились лишь чтоб собирать хворост. Конечно, начальство обещало прислать на несколько дней пару-тройку леспромхозовских вальщиков, но Аверьяныч, как всякий бывалый человек, следовал принципу «на Бога надейся, а сам не плошай». Когда они смогут выбраться, лесорубы-то, да и достанет ли им времени заготовить дров на всю зиму – как-никак плита и четыре печки… Каждое утро, затемно еще, уходил Аверьяныч в лес, валил тонкомерные сухостоины, обрубал сучья, а хлысты выволакивал на просеку, с тем чтобы вывезти их потом на санях. Пока топили остатками прежних запасов.

Дни становились короткими, темными, снег шел, дождь моросил. Детей теперь не выпускали из дома. Болезни начались. Карантин отделил первый этаж от второго, и сестра, жившая со старшими на втором этаже, скопив косточек от компота, заворачивала их в бумажный фантик и опускала на нитке к форточке первого этажа – брату, гостинец.

Нянечка получила новое письмо: «Зачем вы только старика своего прислали? И так есть нечего, а тут еще он. Работать, видите ли, не может, только лежит да за сердце держится, а чем я его кормить буду? Знали, что больной, так и не присылали бы на мою шею нахлебника. Будьте вы прокляты!»

– Фашистка! – возмущенно воскликнула читавшая письмо сестра.

– Не знала я ничего, – качала головою старуха, – здоров ведь был, не хворал ведь… Да и войны тогда не было… Дедушко ты мой, дедушко, прости… – она стянула с головы платок и долго сидела так, в неподвижности, не утирая слез.

Карантин вскоре пришлось отменить – чихали и кашляли сплошняком все. Докторша не успевала ставить банки. Запасы лекарств, и без того ограниченные, иссякли.

– Что у тебя осталось? – спросил Аверьяныч.

– Канистра спирта, литр йода, бинты, – отвечала докторша.

За полканистры спирта он выменял где-то мешок горчичного порошка, за пузырек йода – корзину сушеной малины. Можно было лечить.

Весь вечер жарко топилась плита, пар из кухни валил, точно из бани; с ведрами, полотенцами бегали нянечки, воспитательницы, учителя, директор: понаставили всем самодельных горчичников, понапарили ноги, а потом еще напоили всех чаем с малиной и до утра меняли простыни у малышей. Утром интернат начал выздоравливать.

Но Аверьяныч попросил еще один пузырек йода – на обмен: «Ослабли ребятишки, мясцом бы их подкормить». Однако мяса, против ожидания докторши, он не принес, зато принес дроби, пороху, и со следующего дня самым хилым да хворым стало перепадать по кусочку зайчатины или другой дичины. Потом навалило снегу, и старик охотиться перестал. Однажды еще он сменял двести пятьдесят граммов спирта на раздавленную лошадью курицу, но потом уже и менять нечего стало.

Поехал Аверьяныч в райцентр. Дали ему мешок овсяной муки, подводу картофеля, подводу моркови, бочку керосина, соль, спички, мыло.

Под Новый год Аверьяныч взял на берлоге медведя. Как это было – никто не видел, никто не знал.

Когда директор вернулся, руки у него тряслись – не то от усталости, не то от пережитого. Но отдыхать было некогда, следовало поскорей вывезти тушу, чтоб волкам не досталась. И тут же, потемну, взяв с собой самых крепких теток из интернатского персонала, отправился он на санях в лес. Дорогой заставлял напарниц петь погромче, и они усердно блажили, а на обратном пути Аверьяныч, шедший за санями, то и дело поджигал в руках пучки сухих еловых веточек и, дав разгореться, бросал в снег. И уж неподалеку от дома, услыхав вой, он разочек бабахнул для острастки из двух стволов, так и добрались.

Медвежатины хватило надолго, но вот дрова скоро кончились: и прежние запасы, и заготовленные хлысты сушняка. Аверьяныч перевез в интернат собственные – все до полешка. «Январь протянем, – прикидывал он, – там штакетник начнем палить, а потом?» Снова собрался в город, но тут наконец нагрянули лесорубы. Не вальщики, правда, а валыщицы – мужиков и в леспромхозе не оставалось. Зато целая бригада: со своими харчами, своими лошадьми и даже с сеном для лошадей, а главное – с бензиновой циркуляркой, которой можно было кряжевать бревна.

Женщины разместились было в интернате, но уже вечером стало ясно, что это ошибка: дети плакали, кричали наперебой: «Это моя мама», «Нет, моя», – просились на руки… Измученные валыщицы провели полночи в слезах и рыданиях. Пришлось переселить их в деревню, в пустующую Аверьянычеву избу. Отработали они неделю без продыху и уехали. Глядя на заваленный чурками двор, директор объявил: «Теперь не замерзнем».

Вскоре после Нового года нянечка получила очередное письмо: «Дедушка умер. Похоронила я его хорошо. В Колину рубашку одела. Помните, ту, с украинской вышивкой, почти не ношенную. На кладбище свезла и даже колышек с дощечкой в землю заколотила, чтобы знать место, а то хоронят там всех вперемешку. Пишу я из Вологды. Меня эвакуировали сюда как тяжелораненую. Во время бомбежки завалило меня и перебило обе ноги. Хоть нынче я и без ног, но все плачу от счастья, что живая. Мама, страшнее того, что я видела и перенесла в Ленинграде, быть ничего не может. После блокады и ад раем покажется. От Коли так весточки и не было, и про их корабль ничего узнать мне не удалось. Да теперь я Коле такая и не нужна. Лешенька писал шесть раз из Москвы, потом там наступление началось и что-то нет писем. Простите меня, мама, за все и прощайте. Адрес свой я вам сообщать не буду».

В конце января докторша ездила на станцию, получила медикаменты, и у Аверьяныча вновь появился обменный фонд, с помощью которого он сумел полностью укомплектовать интернат теплой одеждой и валенками. Не все, конечно, было новым, не все – нужных размеров, и взрослые теперь по ночам шили, кроили, штопали. «Покрепче, главное, – наставлял директор. – Пусть не так баско, но покрепче – нам долго еще тут куковать». Сам он подшивал валенки.

Брат писать еще не умел, он нарисовал отцу поздравительную открытку: танк со звездой. На обороте сестра написала: «Дорогой папочка! Поздравляем тебя с Днем Красной Армии! Желаем перебить всех фашистов! Я сочинила стихотворение: «Жду тебя, и ты вернись, только очень жду…»» Заканчивалось стихотворение словами: «Просто я умела ждать, как никто другой». Спустя время пришел ответ: «Хорошие вы мои, дорогие! За поздравление спасибо. За «стих», если вернусь, выпорю», – вот и все, что было в конверте со штемпелем «просмотрено военной цензурой».

Немного совсем оставалось уже до весны: «Скорее бы таять начало, – вздыхал Аверьяныч. – Тетеревов, глухарей добудем, соку березового попьем, а там, глядишь, утки поприлетят, гуси – все перепадет хоть что-нибудь. Чахнут ребятишки-то… Дотянуть бы до Егорьева дня, дальше легче: хвощи-пестыши повылазят, другая травка – подлечимся. Бывало, на Егория скотину выгонишь, побродит она по отмерзшей земле под солнышком, подышит ветерком, чего-ничего пощиплет и – где хворь, где худоба?»

Недотянули: корь, коклюш, скарлатина. Три палаты пришлось превратить в изоляторы, власть взяла докторша: «Полная дезинфекция, марлевые повязки, проветривание помещений…» «Усиленное питание», – чуть было не скомандовала она машинально, но спохватилась и промолчала.

Брат заболел скарлатиной. В палате рядом с ним лежала дочь докторши. Остальные скарлатинники выкарабкались коекак, а этим становилось все хуже и хуже – не повезло, тяжелая форма.

Наступила ночь, которая должна была стать для них последней. «Сорок и восемь, сорок один и две», – записав показания градусников, докторша вдруг спросила нянечку:

– От вашего сына… ничего нового нет?

– Нет, – отвечала старуха. – Ни от сына, ни от внучека, – и вдруг заплакала. – Невестка писала, что…

Но докторша перебила ее:

– А кто родители этого мальчика… не знаете?

– Этого? Как не знать – знаю, сестра евонная мне рассказывала. Отец воюет у них – командир, а мать… запамятовала, кем она… Одним словом, в Москве, в столице самой… Там рядом и Алешенька в наступлении…

– А мне муж писал, что должен вот-вот отпуск получить, – задумчиво проговорила докторша. – Навестить меня собирается.

– Дак вы уже сказывали мне… Это, конечно, дело хорошее.

– Идите, отдохните немного, скоро светать начнет.

– А вы управитесь?

– Чего ж теперь не управиться? – докторша холодно улыбнулась.

Старуха пошла будить Аверьяныча:

– Желанный, ты уж подымайся: надобно два домика сострогать, кончаются ребятишки-то…

– Дура! – он свесил с кровати босые ноги, протер глаза. – Городишь незнамо что! Кто ж живым людям гробы робит? Кикимора! Для себя самого еще – куда ни шло, а для других… Да не реви ты, буде, наголосимся еще.

К рассвету девочка умерла. Мальчик же стал поправляться и вскорости совершенно выздоровел.

А муж к докторше так и не приехал – никакого отпуска он получить не успел.

После войны сестра окончила педагогический институт, получила распределение в Ленинград и до пенсии преподавала литературу в детских домах.

Брат стал крупным физиком. Он то ездит по заграницам, выступая на симпозиумах и конгрессах, то катается на лыжах с каких-нибудь солнечных гор. В редкие дни, когда он дома, собираются у него гости – такие же, как он, ученые люди. Они любят петь под гитару о дождях, комарах, кострах и разлуке, поют отрешенно, самозабвенно. Любят беседовать о «безграничных возможностях человеческого мозга», о «величии силы познания», о том, что «умение считать только и может спасти человечество от катаклизмов». «Главное – счет», – частенько повторяют они.

Давным-давно нет Аверьяныча, старухи-нянечки, нет и докторши. Тяжкий ей выпал жребий: в ту далекую зимнюю ночь у нее было двое смертельно больных, а доза пенициллина – чудо-лекарства, присланного из Москвы, – могла спасти только одного…

Уездный чудотворец

Иван Фомич родился в кромешной глуши. Детство и юность его скрылись за непроглядною мглою времен, и никто никогда уже не расскажет ни о его отце, ни о матери, ни о той школе, где он изучал «аз, буки, веди, глаголь, добро», – памяти об этом на земле не осталось.

Потом наступил двадцатый век, произошла русско-японская, и юношу мобилизовали. Первое дело, в котором ему довелось участвовать, случилось не под Мукденом и не под Ляояном, а значительно ближе – на перегоне Галич-Шарья. Здесь был обнаружен труп офицера, выпавшего из предыдущего поезда, и новобранцу приказали охранять этот труп до прибытия судебно-медицинских экспертов. Господин полковник самолично предупредил: «Дело это – государственной важности».

Остался Иван караулить – начальство обещало, что утром приедут доктор и прокурор. «А может, сам господин генерал пожалует», – обронил между прочим полковник.

Было полнолуние, глаза мертвеца и начищенные сапоги его жутко блестели, но Иван не отходил ни на шаг – исполнял маневр...

Продолжение следует

Отечник

Однажды два брата пришли к некоторому старцу. Старец этот не имел обычая употреблять пищу ежедневно. Увидев братьев, он принял их с радостью и сказал сам себе: «Пост имеет свою награду». Потом добавил: «Употребляющий пищу ради любви совершает две добродетели — отсекает свою волю, и исполняет заповедь страннопримства».

* * *

Один отшельник пришел жаловаться старцу, что каждый день с девяти утра он в своем уединении чувствует странный голод. Хотя в монастыре, где он жил раньше, ему удавалось без труда по нескольку дней проводить без еды.

— Не удивляйся этому, сын мой, — ответил ему старец. — В пустыне нет никого, кто был бы свидетелем твоих постов и кто поддерживал бы и питал тебя похвалами. Прежде тщеславие служило тебе пищей в монастыре и удовольствие, которое ты испытывал, выделяясь среди других своим воздержанием, для тебя было еще слаще обеда.

* * *

Авва Аполлос Великий очень не одобрял тех, кто носил вериги и принимал на себя вид особенного, напускного благоговения.

Он говорил о них: «Таковые делают это на показ человекам и тем впадают в лицемерие. Лучше постом утомлять тело, а добродетели должно творить втайне. Если же у нас нет подвигов, то, по крайней мере, воздержимся от лицемерия».

* * *

Авва Аполлос Великий говорил: «Знамением преуспеяния в добродетели да будет для вас то, когда вы стяжете бесстрастное и чистое помышление. Это начаток даров Божиих».

Православный календарь

27 мар., вс. – Неделя 2-я Великого поста. Свт. Григория Паламы, архиеп. Фессалони́тского. Прп. Венеди́кта Нурсийского. Фео́доровской иконы Божией Матери. Собор преподобных отец Киево-Печерских и всех святых, в Малой России просиявших.

28 мар., пн. – Мч. Ага́пия и иже с ним семи мучеников: Пуплия, Тимолая, Ромила, двух Александров и двух Дионисиев. Сщмч. Александра, иерея в Сиде. Мч. Никандра.

29 мар., вт. – Мч. Сави́на. Мч. Па́пы. Свт. Серапио́на, архиеп. Новгородского. Ап. Аристовула, еп. Британийского (Британского). Сщмч. Александра, папы Римского.

30 мар., ср. – Прп. Алекси́я, человека Божия. Прп. Мака́рия, игумена Каля́зинского, чудотворца. Мч. Марина. Сщмч. Александра пресвитера. Сщмч. Виктора пресвитера.

31 мар., чт. – Свт. Кири́лла, архиеп. Иерусали́мского. Мчч. Трофима и Евкарпия. Прп. Анина монаха. Сщмч. Димитрия пресвитера, прмц. Наталии.

1 апр., пт. – Мчч. Хриса́нфа и Да́рии. Прп. Симео́на Псково-Пече́рского. Прав. Софи́и, кн. Слу́цкой. Иконы Божией Матери, именуемой «Умиле́ние», Смоленской. Прп. Иннокéнтия Ко́мельского, Вологодского. Прп. Симеона Дайбабского. Прмц. Матроны.

2 апр., сб. – ***Поминовение усопших.*** Прпп. отцов, во обители св. Саввы убиенных. Прп. Евфроси́на Синозе́рского, Новгородского. Мц. Фотины (Светланы) самаряныни, ее сыновей мчч. Виктора, нареченного Фотином, и Иосии; мцц. Анатолии, Фото, Фотиды, Параскевы, Кириакии, Домнины и мч. Севастиана. Свт. Никиты, исп., архиеп. Аполлониадского.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: http://pokrovka-tiras.narod.ru/

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!